

УДК 81'42
ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.33

Код ВАК 10.02.20

Кропотухина Полина Владимировна,

кандидат филологических наук, доцент, кафедра профессионально-ориентированного языкового образования, Институт иностранных языков, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26, к. 481; e-mail: pauline8@mail.ru

КОНЦЕПТОСФЕРА «МИР РАСТЕНИЙ» КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: концептосфера, фитонимы, растительные метафоры, лингвистические исследования, дискурс.

АННОТАЦИЯ. Представлен обзор современных лингвистических исследований, посвященных концептосфере «Мир растений». Автор приводит примеры различных подходов к анализу фитонимов. Рассматриваются преимущества изучения фитометафор в различных типах дискурса с привлечением сопоставительного метода.

Kropotukhina Polina Vladimirovna,

Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Professionally-oriented Education, Institute of Foreign Languages, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg.

CONCEPTUAL DOMAIN «PLANTS» AS AN OBJECT OF LINGUISTIC STUDY

KEY WORDS: conceptual domain; phytonyms; plant metaphors; linguistic analysis; discourse.

ABSTRACT. The paper provides a synopsis of contemporary linguistic works devoted to conceptual domain «Plants». The author describes a number of approaches which help to explore plant metaphors in different types of discourse. In addition, the advantages of contrastive method are considered.

Причина особого внимания к миру растений со стороны лингвистов заключается в том, что растительные образы занимают одно из ключевых мест в культуре. Использование фитонимов продолжает мифологическую, религиозную и литературную традиции, уходящие корнями в архетипы лингвокультур. Древнее представление о единстве человека и природы объясняет почитание растений, мест их произрастания и породившей их земли, что отражено в мифопоэтической модели мира. Известно, что «в космогонических мифах народов мира растения выступают как фактически первый объект из всего, что появилось или было создано богами. Во многих мифологиях мира присутствует поэтапное появление носителей жизни по следующей схеме: растения – животные – люди» [2, т. 2, с. 367-371]. По предположению Т. В. Цивьян, вегетативный код в определенной культуре складывается следующим образом: «В каждой традиции выделяется одно или несколько репрезентативных растений. Они как бы аккумулируют и основные функции, и основные атрибуты, и основные сюжеты и мотивы, переходя таким образом границы своего кода, и обязательно формируют особый круг текстов» [4, с. 44-45]. Фитоморфизм связан с ранней формой мышления, а концепты, порожденные этой формой мышления, хранятся в языке. В силу вышесказанного фитонимы продолжают привлекать внимание многих исследователей, что приводит к появлению все новых работ. Цель данной публикации –

показать разнообразные направления лингвистического анализа фитонимов.

В настоящее время спектр изучения фитонимов весьма широк. Они рассматриваются в различных видах дискурса (художественном, поэтическом, научном, политическом); на материале одного языка и в сопоставлении. Несмотря на многообразие методик, используемых авторами, их объединяет мысль о том, что растительный код – это универсалия, дающая возможность рассмотреть один из древнейших способов моделирования действительности. По наблюдениям О. Н. Чарыковой, для поэтического дискурса важны следующие функции фитонимов: локальной индикации (дают пространственные ориентиры), темпоральной индикации (указывают на время дня, года), индикации эмоционального состояния лирического героя, этнографической индикации (обладают этнокультурной символикой), культурной индикации (обозначают связи с феноменами общечеловеческой или национальной культуры) [5, с. 325-329]. На наш взгляд, данные функции фитонимов проявляются и в других видах дискурса.

Первые примеры употребления растительных образов мы находим в древних писаниях. В этом отношении интересно исследование Т. Стордалена, который выделил несколько метафорических моделей, используемых в тексте Ветхого Завета, разделив их при этом на положительные и отрицательные. Первая из них «Люди – это растения» («People are Plants»). Ветхоза-

ветные растительные метафоры, относящиеся к людям, настолько часты, что превращаются в конвенциональные. Например, народ, люди могут сравниваться с травой, сеном, тростником, колючками. Автор относит данные словоупотребления к следующим метафорическим моделям: «Люди – это трава», «Люди – это тростник» и т. д. Негативная окраска, нередко сопровождающая такие метафоры в библейских текстах, связана с коротким циклом жизни этих растений, их назначение – изобразить все смертное, преходящее. Вспашка и сбор урожая, жатва являются метафорами разрушения, они обозначают истребление народов, царств. Позитивные смыслы несут метафоры, описывающие рост, становление человека, например, «He sprouts like a herb and flourishes only later to be destroyed» (Ps 92 : 8); «May our sons be like plants, enlarging from their first days (Ps 144 : 12)». Семья в целом может быть представлена с помощью метафоры нескольких прорастающих деревьев. Помимо травы и тростника, отдельные люди в древнееврейской литературе отождествляются и с деревьями, преимущественно с оливой и виноградной лозой. А народ, нация ассоциируются с садом. Метафоры сада и деревьев в библейских текстах часто неразделимы. Гибнущие или срубленные деревья метафорически обозначают разрушение, уничтожение, убийство. Так, метафора сохнувшего дуба, может усиливаться метафорой скудно политого сада. Или образ истребленного народа, царства создается с помощью метафоры сада, деревья в котором бесплодны, больны, их корни высохли. В других случаях используются земледельческие метафоры: народ может быть «посажен» или «искоренен» в том или ином регионе. Сравниваются с деревьями и правители (*Princes are Trees*). Интересно, что они ассоциируются либо с верхушкой народного дерева (*national tree*), либо с наиболее заметными представителями мира деревьев. В картине мира древних евреев сад – это совокупность всего лучшего: гармонии, безопасности, блаженства. При этом упоминаются наиболее значимые для данной языковой общности растения: виноградная лоза, фиговое дерево. Отсюда происходит такое пожелание добра, как «each man under his vine and fig» и другие [11, с. 85-94].

Исследования фитометафор широко представлены как в отечественном, так и в зарубежном языкознании. Несомненно, одинаково интересны и полезны работы, выполненные на разном материале, будь то объемный корпус текстов или отдельный сонет. Так, исследование растительных метафор в 94-м сонете Шекспира провела

проф. Х. Вендлер. Она отмечает, что основным стилистическим приемом данного сонета является противопоставление. Но противопоставление осуществляется на двух уровнях: буквальном и метафорическом, «социальном» и «флористическом». В реальной жизни герой сонета противопоставляет себя красивому юноше, используя метафоры презренного сорняка (*basest weed*) и прекрасного благоуханного цветка (*sweet flower, lily*). Этот «уход из царства социального в царство растительного» потребовался Шекспиру для того, чтобы без последствий показать лживость своего оппонента, подчеркнуть свое превосходство в достоинстве над ним. С этой целью используются метафоры заражения цветка болезнью (аморальности), порчи аромата. С помощью метафор автор сонета дает понять, что в терминах растительной иерархии быть обычным сорняком все же лучше, чем ядовитым, дурно пахнущим цветком. Не прибегая к помощи таких понятных и простых метафор, было бы трудно объяснить, в чем знатный и красивый молодой мужчина уступает лирическому герою сонета, не обладающему подобными преимуществами.

Рассмотрение фитонимов в дискурсе произведений писателя или поэта – еще одно перспективное направление. Такое исследование позволяет проследить и общечеловеческие, и этнокультурные и индивидуальные черты в идиостиле автора.

Очевидно, что состав концептосферы «Мир растений» неоднороден в разных культурах. Часто широкое ассоциативное поле характеризует именно эндемические растения. Особая, во многом отличная от европейской, система фитоморфизмов присутствует в художественном мире писательницы Т. Моррисон. Растительные образы, свойственные местности, где разворачивается сюжет, привлекаются для изображения разнообразных сторон жизни афроамериканской диаспоры: внешнего и внутреннего мира человека, его эмоциональных переживаний, духовных устремлений и т. д. Как подчеркивает исследователь творчества Т. Моррисон, проза данного автора привлекает неповторимой палитрой образных средств, не последнее место среди них занимают фитонимы [6, с. 182-192].

Об этой особенности фитонимов свидетельствуют и другие работы. По данным С. М. Тиллоевой, система флористических образов в персидско-таджикской языковой картине мира шире, чем в русском. Красоту женских глаз в персидско-таджикском языковом сознании передают многочисленные сравнения с цветами, деревьями. В персидско-таджикском языковом сознании стойко закрепилась метафорическая модель «Жен-

щина – хрупкий нежный цветок». По-видимому, именно этим объясняется возможность характеристики красоты губ сравнениями с цветами: *лаби гулгун, гулфом* и др. *Гул / гол* в буквальном значении *цветок* в персоязычной поэзии употребляется в переносном значении, выступая синонимом лексем *лик / лицо; губы. Есамин / есмин – жасмин* – в метафорическом значении выступает как синоним *щеки, лик*. Производные от *есамин* – *есаминсимо – белолицая, есаминру – очаровательная, красивая, с лицом, подобным жасмину*. Классик персидской поэзии Хафиз и современный иранский поэт Рахи Муайери использовали название цветка *наргис – нарцисс* в поэтической аллегории «чашми наргис» (*красивые, черные глаза*), имея в виду подобные нарциссу глаза возлюбленной. Однако слово *нарцисс* в русском языковом сознании часто имеет отрицательную коннотацию: *самовлюбленный человек* [3, с. 23–32].

Первые примеры анализа фитонимов в рамках теории концептуальной метафоры были приведены Дж. Лакоффом, М. Джонсоном. Исследователи рассмотрели метафорические модели «*Люди – это растения*» и «*Общественные организации – это растения*», что наметило пути исследования фитометафор в политическом дискурсе. Развивая свое исследование в этом ключе, З. Кевечеш приходит к выводу, что все, что можно назвать комплексными абстрактными системами, среди них общественные организации, экономические и политические системы, научные дисциплины, люди, человеческие взаимоотношения и др., становится сферой-мишенью для растительных метафор. Фитометафоры естественны и довольно часто применяются к разнообразным абстрактным системам, поэтому автора исследования интересует метафорическая модель «*Комплексные абстрактные системы – это растения*». Несколько метафорических проекций являются базовыми для данной метафорической модели: а) растение – это комплексная система; б) части растений – это части комплексной системы; в) биологический рост растения – это абстрактное небиологическое развитие комплексной системы. З. Кевечеш подчеркивает, что наличие большого опыта и подробнейших знаний человека о мире растений объясняет интенсивность использования растительных метафор во всех сферах его жизни. Именно благодаря этому свойству названная метафорическая модель может порождать различные метафорические следствия, расширения, которые можно представить в виде субмоделей: «*Создание комплексной системы – это сев*», «*Поддержание комплексной системы – это уход за*

растением», «*Благоприятные последствия процесса – это плоды или урожай*» и многих других. В итоге автор отмечает, что потенциал развертывания фитометафор при концептуализировании абстрактных комплексных систем очень высок [10, с. 98–101].

В другом исследовании, также опирающемся на теорию концептуальной метафоры, утверждается, что «структуру любого учреждения и организации, даже власти в целом можно представить в виде метафоры дерева, указывая на иерархию подчинения и разделения функций и обязанностей» [1, с. 127]. Перечень базисных метафорических моделей, составленный Дж. Лакоффом и М. Тернером, предлагается дополнить еще одной – «*People are trees*», которая подкрепляется метафорической моделью *Structure is a tree*, поскольку метафора дерева – это универсалия, применимая ко многим сферам деятельности человека. Как отмечает автор работы, для сознания носителя английского языка фреймы *дерево, корень, семя, ствол, цветок, ветка, лист, почка, плод*, входящие в базисную модель «*People are trees*», являются ключевыми. Они выступают «продуктивными концептуальными областями для создания множества языковых метафор, причем наиболее продуктивными в качестве области-источника являются концепты *дерево, корень, ветка, цветок, плод / фрукт*» [1, с. 127].

Фитонимы, являющиеся богатым источником информации о мировоззрении народа, представляют собой эффективный инструмент для лингвокультурологического сопоставления. Метафорическая модель «*Эмоции – это растения*» в английском и китайском языках была рассмотрена О. Есеновой. По замечанию исследователя, концептосфера «*Растения*» является идеальным способом для отображения человеческих эмоций, так как эмоции – очень подвижные процессы. В первую очередь, фитоморфные концептуальные метафоры полезны для описания этапов развития эмоции. В английском языке метафоры, описывающие начальную стадию чувства, могут выглядеть как *the seeds of friendship* (*семена дружбы*); *a romance was budding* (*роман завязался, букв. дал почки*). Наивысшая точка развития эмоций отражается в метафорах, связанных с цветами и их цветением, например, *love blossoming between them* (*любовь цвела между ними*); *when in rebellion, anger flourishes* (*гнев цветет во время революций*). Метафора «*зрелый / незрелый плод*» может описывать начальную стадию любви, а также страх и неуверенность, вызванные этим чувством, и зрелое, проверенное временем чувство. Ослабление или исчезновение чувства, эмоции переда-

ют метафоры увядания: *joy has withered away* (радость увяла), *their romance withered on the vine* (их любовь завяла на корню). В итоге О. Есенова называет шесть этапов жизненного цикла растений, структурирующих сферу-мишень «Эмоции» в английском языке: *seed* (семена), *germination* (прорастание), *budding* (появление ростков, почек), *flowering* (цветение), *fruition* (плодоношение), *withering* (увядание). Другие фитонимные метафорические модели, отвечающие за описание эмоций, выделяемые О. Есеновой в английском языке – «Усиливающаяся эмоция – это растущее растение», «Сердце – это растение», «Сильная эмоция – это глубоко укорененное растение», «Эмоциональная боль – это физическая боль, причиненная колючками» [9].

Еще одна работа подтверждает, что типичные сферы-мишени для фитометафор, описывающих сферу чувств и эмоций в китайском языке, – это любовь, брак, счастье и вера. Авторы статьи приводят дословный перевод китайских выражений на английский язык. Лексическое оформление концептуальных фитометафор в китайском языке может осуществляться следующим образом: *their marriage is growing* (их брак растет), *having affairs is a pest for a marriage* (связи вне брака – это вредное насекомое), *smile blossoms on his face* (на его лице цветет улыбка) etc. [7]. Таким образом, способы осмысления сферы-мишени «Эмоции» с помощью фитометафор в английском и китайском языках обнаруживают много общего.

Важную информацию о функционировании фитометафор в английском языке дает следующее исследование. По данным его автора, Дж. Чартерис-Блэка, концептуальные метафоры со сферой-источником «Мир растений» составляют приблизительно 9% от всех метафор британского корпуса. Многие из них имеют в своей основе на стертую метафору *growth* (рост, расти) и присущи экономическому дискурсу. Подчеркивается, что метафорическое использование глагола *to flourish* (цвести, процветать) в политико-экономическом дискурсе подразумевает сильную позитивную оценку. Такие метафоры указывают на высоко ценимые в обществе группы (семьи, компании), при этом денотативная сфера данных метафор специфична для каждой британской партии, например, объявляется, что «бизнес расцветет при консерваторах, а демократия расцветет при лейбористах». Кроме того, автором приводятся примеры эффективного (и креативного) использования растительных концептуальных метафор в целях политического убеждения. Одной

из них является метафора *windfall* (плод, сбитый ветром). Особенность этой метафоры заключается в том, что она «скрывает агента действия». В распространенных выражениях *windfall levy*, *windfall tax*, *cash windfall*, *windfall profits* государственный доход выглядит как нечто, полученное безо всякого труда, как и плод, упавший в результате порыва ветра. Эти метафоры «маскируют» реальную деятельность государства в сфере финансов, скрывают пострадавших от этой деятельности. Другая группа метафор, связанных с растительным плодородием, используется для позитивной оценки политической и экономической деятельности. Например, предпосылки экономического благополучия страны описывает растениеводческая метафора *to nurture investment* (взрачивать, питать инвестиции) и метафора, связанная с жизненным циклом растения, *investment will take root* (инвестиции укоренятся, прорастут). В основе таких метафор лежит представление о том, что экономические реалии имеют скрытые (как корни растения под землей) причины, поэтому экономическое благополучие государства связывается с плодородием растительного мира [8].

Процесс метафоризации, при котором хорошо освоенные реалии концептосферы «Мир растений» служат моделью для описания сферы политики, является вполне закономерным. В современной лингвистике большое распространение получили исследования политического дискурса и медиадискурса. Данные виды дискурса взаимобусловлены, очень подвижны и чувствительны к социальным изменениям. Это позволяет провести анализ языковых тенденций, важных для понимания событий общественно-политической жизни в данный момент времени. Осуществленное нами исследование фитометафор российского и британского политического дискурса в 2004–2011 гг. позволило выявить особенности их использования в этот период. В целом фитоморфные метафоры, функционирующие в политических дискурсах России и Великобритании, относятся к пяти наиболее продуктивным метафорическим моделям: «Политики – это растения», «Политическая деятельность – это уход за растениями и их использование человеком», «Политическая организация – это растение», «Место деятельности политика – место произрастания растений», «Демократия – это растение». Данные метафорические модели являются межкультурными и активно используются политиками и журналистами обеих стран. Вместе с этим параллельное сопоставление способов языкового воплощения того или иного расти-

тельного концепта свидетельствует об определенных, местами существенных, отличиях в картинах мира двух лингвокультур.

Выраженной этнокультурной спецификой обладают фитометафоры, которые отражают национальные черты российских и британских политических реалий: методы привлечения избирателей, способы взаимодействия политических партий с их избирателями, проведение выборов, процедуры согласования законов и реформ, различные аспекты международной политики. Примерами таких политических метафор в российском дискурсе служат следующие:

политический гибрид, политическая селекция, демократия с шипами, политическое поле / поляна, окуличивать (избирателя) и пр. Среди наиболее употребительных фитометафор британского дискурса – *green shoots (of recovery) (зеленые ростки (восстановления), grassroots (букв. корни травы – рядовые избиратели, народ), core (principles, vote) (букв. ядерный – коренные принципы, актив избирателей), to reap a rich harvest (of voters) (собрать богатый урожай избирателей, голосов), political wilderness, jungle (политическая пустыня, дебри, джунгли)* и некоторые другие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дехнич О. В. Концептуальная метафора *People are trees* в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.
2. Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 т.; под ред. С. А. Токарева. М. : Рос. энциклопедия, 1997. Т. 2 К-Я.
3. Тиллоева С. М. Антропоцентрическая природа категории сравнения на материале персидской и английской языковых картин мира // *European Social Science Journal* (Европейский журнал социальных наук). 2014. № 4. С. 23-32.
4. Цивьян Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы. М. : Ком Книга, 2006.
5. Чарыкова О. Н. Функции фитонимов в современном поэтическом дискурсе // *Реальность, язык и сознание : междунар. межвуз. сб. науч. тр.* Тамбов : ТГУ им. Державина, 2010. С. 325-329.
6. Шустрова Е. В. Авторская трактовка образа растения в метонимических и аллегорических связях (на примере прозы Т. Моррисон) // *Языковое образование сегодня – векторы развития : мат-лы междунар. студенческой науч.-практ. конф. -форума, Екатеринбург, 21–22 июня 2010 г. / ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т».* Екатеринбург, 2010. С. 182-191.
7. Ahrens K., Tzuyin Lai V., Mappings from the Source Domain of Plant in Mandarin Chinese. 2000. URL: <http://dSPACE.wul.waseda.ac.jp/dSPACE/bitstream/2065/12192/1/PACLIC15-203-210.pdf> (дата обращения 05.11.12).
8. Charteris-Black J. Why «an Angel Rides in the Wirlwind and Directs the storm»: A Corpus-Based Comparative Study of Metaphor in British and American Political Discourse // *Advances in Corpus Linguistics*. Amsterdam; N.Y. : Editions Rodopi B.V., 2004. P. 133-151.
9. Esenova O. Plant Metaphors for the Expression of Emotions in the English Language. 2006. URL: <http://search.live.com/results.aspx?q=plant+metaphor&filt=all&first=11&FORM=PERE> (дата обращения 17.10.11).
10. Kövecses Z. *Metaphor : A Practical Introduction*. New York : Oxford University Press, 2002.
11. Stordalen T. *Echoes of Eden. Genesis 2-3 and Symbolism of the Eden Garden in Biblical Hebrew Literature*. Leuven : Peeters, 2000.

Статью рекомендует д-р филол. наук, проф. Е. В. Шустрова.